

пріятнѣе святѣй Троицѣ, нежели сложеніе перстовъ всѣхъ рукъ, сколько ихъ ни есть на свѣтѣ. Не о томъ много спорьте, какъ раздѣленные персты соединять, но о томъ больше подумайте, какъ бы раздѣленные отъ церкви души соединить во едино стадо подѣ правительствомъ единого пастыря Іисуса Христа.

Наконецъ разрѣшая единовѣріе между старообрядцами, изъявившими желаніе соединиться со святою церковію при посредствѣ старинныхъ обрядовъ, то есть съ правомъ совершать богослуженіе по старопечатнымъ при первыхъ пяти патріархахъ книгамъ, св. Синодъ замѣтилъ, что клятва собора 1667 года была положена не на обряды, а на лица, изъ за обрядовъ, неправильно понимаемыхъ, отторгавшіяся отъ церкви, какъ отъ еретической, и что слѣдов. разрѣшая отъ клятвы единовѣрцевъ, какъ признавшихъ истину святой церкви и таинства и священство ея дѣйствительными, онъ въ то же время оставляетъ подѣ клятвою старообрядцевъ, которые хотя содержатъ тѣ же обряды, какіе употребляютъ и единовѣрцы, соединившіеся съ церковію, но изъ за этихъ обрядовъ, отторгаются отъ церкви, имѣющей другіе обряды, какъ отъ неправославной».

БЕСѢДА

НА ХЕРУВИМСКУЮ ПѢСНЬ.

Иже Херувимы тайно образующе и животворящей Троицѣ трисвятую пѣснь припѣвающе, всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе; яко да Царя всѣхъ подыместъ, Ангельскими невидимо дориносима чинми. Аллилуія“.

Какое счастье принадлежать къ истиннымъ сынамъ церкви, когда, по выраженію ея, тайнственно образуя Херувимовъ, мы удостоиваемся воспѣвать трисвятую пѣснь св. Троицѣ! Какая честь изображать собою сихъ святѣйшихъ небожителей и воспѣвать ихъ пренебесный гимнъ! Много ли ветхозавѣтная исторія

представляетъ намъ столь дивныхъ событій? Тамъ изъ немногихъ пророкъ Исаія удостоился сей чести, когда однажды въ видѣннїи созерцалъ *отъ Ангелъ славы на престолъ превозносима Бога* и слышалъ ихъ хвалебныя гимны. А мы всѣ, во время каждой Божественной литургїи, сподобляемъ ся сей чести и воіемъ трисвятую пѣснь: „*аллилуїа*“. Но если и сей тайнозритель пораженный столь необычайнымъ видѣніемъ умилился и восхищенный Ангельскою пѣснью возопилъ: *о окаянный азъ*, то что же помыслимъ мы, созерцая Господа и Царя славы Ангельскими невидимо дорносима чинми? Какія мысли и чувствованія должны наполнять душу христіанина во время Херувимской пѣсни?..

Елижды бо аще ясте хлѣбъ сей и чашу сію пиете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже приидетъ. (Кор. 11, 26.) Вотъ смыслъ и значеніе святѣйшаго таинства Евхаристїи, совершаемаго на Божественной литургїи. Архіерей Великій, пришедый съ небеси, благословивъ хлѣбъ и вино, и, силою вседѣйствующія благодати, предложивъ ихъ въ тѣло и кровь Свою и преподавъ въ снѣдь ученикамъ своимъ, рекъ: *сіе творите въ Мое воспоминаніе* (Лук. 22. 20.). А по сему Божеств. литургїя начинается сими словами: *въ воспоминаніе (смерти) Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.* И дѣйствительно, при совершенїи проскомидїи, какъ приготовительной части литургїи, воспоминается предвѣчное опредѣленіе Божіе о спасенїи людей, чрезъ добровольное обреченіе Сына Божїя на страданія и смерть, и рожденіе Его отъ Дѣвы яко Агнца, предопредѣленнаго на закланіе. Совершаемый на Херувимской пѣсни, по изъясненїю св. Германа и Симеона Солунскаго, великій входъ означаетъ снятіе Спасителя со креста, гдѣ священникъ съ діакономъ образуютъ Іосифа съ Никодимомъ, жертвенникъ голгоѳу, олтарь вертоградъ, а престолъ гробъ. И какъ по древнему чиноположенїю проскомидїя совершалась предъ великомъ входомъ: то Херувимская пѣснь обнимаетъ собою тѣ и другія событія, объединяетъ ихъ, и, мы по выраженїю оной, таинственно образуя Херувимовъ, воздаемъ хвалу Богу пѣснью: „*аллилуїа*“, т. е. прославляемъ Сына Божїя, какъ

Царя царствующихъ, не смотря на то, что Онъ, далъ Себя на страданія; мы воспѣваемъ хвалу Ему не смотря на то, что Онъ почиетъ во гробѣ, ибо вѣримъ, что встанетъ со славою и прославится яко Богъ; мы воспѣваемъ „аллилуія“, потому что для насъ крестъ Его—сила Божія и крестная смерть Его не униженіе, но слава, ибо ею прославился Сынъ человѣчій и Богъ прославился о Немъ (Іоан. 13, 36); ею и мы къ тому не умираемъ и смерть къ тому не обладаетъ нами. (Рим. 6, 9—12.). А посему мы готовы и со креста и изъ гроба подъять Его, какъ Царя Ангельскими дѣриносима чинми, ибо мы вѣруемъ, что Онъ какъ въ смерти, такъ и въ воскресеніи Богъ, *Богъ и человекъ, о Немъ же имамы избавленіе кровію Его и оставленіе прегрѣшеній по богатству благодати Его* (Ев. 1, 7.). И такъ недостаточно ли этихъ чувствованій, возбужаемыхъ воспоминаніемъ столь великихъ и дивныхъ событій на сей священной пѣсни для того, чтобы проникнуты были нашъ умъ чистѣйшими мыслями, наше сердце святѣйшими желаніями; недостаточно ли, чтобы мы отложивъ всякое житейское попеченіе, благоговѣнно стали предъ алтаремъ симъ и трепетно зывали: „аллилуія“!

Но если для сего недостаточно одного воспоминанія, если представляя Сына Божія уязвленнаго и бездыханнаго не садрогается сердце наше, то мы, не можемъ не остановиться благоговѣнною мыслию на тѣхъ ужасныхъ событіяхъ, которыя окружали крестную смерть Спасителя. *Нѣсть болѣзнь, яко Его предсмертная болѣзнь.* Еще мы слышимъ въ Геосиманскомъ саду Его скорбные вздохи, при видѣ беззаконій всего человѣчества, которыя Ему надлежало подъять на Себя; видимъ Его молящагося къ Отцу до кроваваго пота, такъ что посланъ бысть *Ангель Господень укрѣпляяй Его* (Лук. 22, 41); потомъ видимъ Его поруганнаго и уязвленнаго, изнемогающаго подъ крестомъ и томящагося на крестѣ; видимъ Его оставленнаго Отцемъ, яко виновившаго Себѣ беззаконія наши, наконецъ слышимъ Его послѣдній молитвенный гласъ и увѣреніе, что Онъ и въ сіи горькія минуты жаждетъ спасенія нашего и только послѣ сихъ ужасныхъ страданій, Онъ входитъ въ покой Свой. И все сіе подъятое Спасителемъ нашимъ за насъ и для

насъ можемъ ли мы не представлять себѣ, вспоминая погребеніе Его, постигая всю цѣну искупительной смерти Сына Божія и всю тяжесть Его страданій, и, вспоминая о семъ, можемъ ли оставаться ожесточеннѣе злодѣя, распятаго съ Нимъ. Ибо тотъ, по выраженію Григорія Богослова, „все что оставалось у него, принесъ въ даръ Богу“; мы ли имѣя все, не посвятимъ Ему, хотя въ сіи священные минуты воспоминанія смерти Сына Божія, ума и сердца и не воззовемъ съ разбойникомъ; *помяни насъ Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!* мы ли не восплачемъ яко Сей о насъ болзнуетъ, мы вмѣстѣ съ Нимъ въ трудъ, язву и озлобленіи отъ Бога (Иса. 5. 9)? Ужели мы беззаконіями усугубимъ гнѣвъ правосудія небеснаго и страданія безвиннаго? Если уже и безъ того чаша страданій Его полна и Его человѣчество изнемогаетъ предъ нею, то ужели мы за любовь воздадимъ Ему ожесточеніемъ? Нѣтъ! да не будетъ сего. Ибо мы знаемъ, что *о Немъ имамы избавленіе кровію Его и оставленіе прегрѣшеній по богатству благодати Его.*

А потому если когда, то въ сіи свящ. минуты намъ должно отложить всякое житейское попеченіе, когда *Царь царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися и датися въ спѣдь вѣрнымъ.* И не устами только должны мы изъявлять готовность, подъять Его, какъ Царя славы дориносима чинми, но и всѣмъ существомъ своимъ чувствовать и сознавать, что Царь славы Господь насъ ради волею распяся и погребся, и возжадать собственнаго своего спасенія.

Постараемся же выполнить смыслъ сей дивной пѣсни, *всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе,* и устремимъ мысли и желанія свои къ Богу, Спасителю нашему; сознаемъ же, хотя въ сіи свящ. минуты, воспоминанія смерти Спасителя, подъятой за грѣхи наши, свою виновность предъ Богомъ, поревнуемъ же, хотя въ сей часъ о спасеніи своемъ и воззовемъ къ Распятому и Погребенному за насъ: *помяни насъ Владыко, егда пріидеши во царствіи Твоемъ:* ибо только при такомъ расположеніи мыслей и при такомъ настроеніи чувствованій мы вещественнѣе

можемъ приступитъ вкупѣ съ невещественными Херувимами и воспѣвать трисвятую пѣснь, и Господь славы, невидимо здѣ присутствующій и видимо сопребывающій въ таинствѣ тѣла и крови Своей, приметъ отъ насъ хвалебную пѣснь: „аллилуія“.

Аминь.

Самарск. Иверск. женск. монастыря Священникъ *Константинъ Добросердовъ*.

ИЗЪ БУЗУЛУКА.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ нашъ городъ осчастливленъ былъ неожиданнымъ радостнымъ событіемъ, именно: Архипастырѣ нашъ, Преосвященнѣйшій Герасимъ святительскими своими молитвами и священнодѣйствіемъ освятилъ въ здѣшнемъ Троицкомъ соборѣ придѣлъ во имя св. Архистратига Божія Михаила. Исторія этого придѣла такова. Въ злосчастный день 5 сентября 1871 года свирѣпствовавшій, при сильнѣйшей бурѣ, пожаръ, испепелившій, какъ извѣстно, до двухъ третей города, не пощадилъ и соборъ. Не говоря уже о его наружности, потерпѣвшей истребленіе карнизовъ и кровли, кромѣ купола, пострадала и внутренность, — придѣлъ и все находившееся въ трапезѣ сгорѣло до тла. При помощи Божіей, благодаря энергіи предсѣдателя попечительства, купца Михаила Лукьяныча Подгорнова, 24 марта 1873 года заподряженъ былъ самарскій купецъ Ѳедоръ Бычковъ устроить новый иконостасъ, по окрашенному карминомъ полю позолоченный наполиментъ, за 1300 рублей и владимірской губерніи вязниковскаго уѣзда села Палихи крестьянинъ собственникъ Николай Софоновъ — написать по золотому чеканному полю иконы въ византійскомъ вкусѣ за 550 рублей. Въ январѣ 1874 г. иконостасъ привезенъ былъ изъ Самары и уставленъ на мѣсто, а въ іюнь доставлены были и иконы. Оставалось только освятить придѣлъ. Въ минувшемъ августѣ мѣстный Благочинный Протоіерей съ однимъ изъ сельскихъ священниковъ ввѣреннаго ему округа посылаетъ къ Его Преосвященству покорнѣйшій репортъ, съ просьбою вручить этому священнику св. античинсѣ, въ томъ пред-